

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Елена Логунова

Ванна
с шампанским

Индия Кузнецова

Елена Логунова

Ванна с шампанским

«ЭКСМО»

2013

Логунова Е. И.

Ванна с шампанским / Е. И. Логунова — «Эксмо»,
2013 — (Индия Кузнецова)

ISBN 978-5-699-62504-8

Индия негодовала: ее жених не смог выбить у начальства отпуск, а теперь поездка в Рим накрывается медным тазом! Составить девушке компанию согласился брат, известный дизайнер Казимир, но если бы она знала, чем все закончится! Увидев в одном из римских сквериков бесхозную старинную ванну, он вознамерился увезти ее с собой, чтобы выгодно продать одному из постоянных клиентов. Только обещанная ей половина гонорара заставила Индию помогать брату в этом сомнительном деле. Под покровом ночи они запаковали ценный груз и припрятали в кустах, а когда утром доставили к себе в отель, то обнаружили в ванне... свеженький труп знойного итальянского мужчины!

ISBN 978-5-699-62504-8

© Логунова Е. И., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

1467 год, Рим	5
Пять с половиной столетий спустя, Россия	6
Снова Рим, наше время	10
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Елена Логунова

Ванна с шампанским

1467 год, Рим

Преступник был не один, но его преследователи об этом не знали.

Первый вор выскользнул из дворца и сумел обойти стражу, но уже в саду имел несчастье столкнуться с госпожой. Та как раз совершала вечернюю прогулку, ища вдохновения для сочинения очередного сонета, и, разумеется, не могла не узнать свою собственную шкатулку с резным гербом на крышке и дорогими украшениями под ней.

Спрятать шкатулку за пазухой шустрый вор не мог, ибо размеры ее вполне соответствовали степени фамильного пристрастия к драгоценностям – все Медичи поголовно были одержимыми коллекционерами и имели отличный вкус.

Лукреция Торнабуони де Медичи была еще и очень умной женщиной. Она без труда сообразила, что все это означает – а именно, несправедную попытку лишить ее любимых украшений, – и без единого звука разминулась с воров, но сразу же подняла на ноги стражу.

Однако погоня настигла преступника не раньше, чем он встретился с сообщником.

Встреча прошла в обстановке, которую нельзя было бы назвать теплой и дружеской. В результате ее первый вор принудительно обменял резную шкатулку на перерезанное горло и скатился с откоса на оживленную улицу, где его нашли только утром.

Второй преступник потерял время, подбирая с земли рассыпанные в ходе стычки украшения, и спустя четверть часа был схвачен в сотне метров от места гибели сообщника.

Госпожа Лукреция получила обратно все свои драгоценности, кроме одной.

Втопанная в землю в пылу борьбы, небольшая вещица затерялась в политой кровью почве и в веках.

Пять с половиной столетий спустя, Россия

– Вот и все, Кулебякин! Имей в виду – я ставлю точку! – проорала я и, выскочив из квартиры, шарахнула дверью так, что со стены посыпалась штукатурка.

Прорвавшись сквозь завесу известковой пыли, я проскакала вниз по лестнице и ворвалась в отчий дом, как помесь злобной фурии и безутешной плакальщицы: зареванная, растрепанная, присыпанная чем-то белым, точно пеплом.

– Ой-ой! Сейчас прольется чья-то кровь! – вовремя посторонившись с моего пути, напроорочил братец Зяма – гибрид пифии и буколического пастушка.

– Уже! – сообщила я и, лязгнув шпингалетом, как ружейным затвором, заперлась в ванной комнате.

– А что это случилось с нашей Дюшей? – обеспокоенно спросил за дверью папуля.

– Наша Дюша громко плачет! – бестрепетно сообщил ему Зяма.

– Это я слышу, а почему она плачет? – не удовлетворился кратким ответом папуля.

– А почему бы ей не поплакать? Даже такие бессердечные чудовища, как моя сестрица, иногда плачут, – рассудительно ответил братец. – Крокодилы, например. Они плачут, потому что хотят кушать.

– Я знаю, почему плачут крокодилы, – папин голос зазвучал строже. – Я хочу знать, почему плачет моя дочь!

Наш папуля – добрейшей души человек, заботливый отец, любящий муж и мирный кулинар-изобретатель, но в прошлом он – боевой армейский офицер. И если в папином голосе появляются стальные нотки – это грозное лязганье бронемашин.

Зяма понял, что манеру поведения надо менять, деликатно поскребся в филенку и сладким голосом спросил:

– Индюшечка, сестричка, ты почему плачешь, родненькая? Ты хочешь кушать?

Я не сдержалась и взвыла.

Кушать! Ах, если бы!

Оголодать в нашем доме практически невозможно – хлебосольный папуля неизменно рад возможности скормить ближним результаты своих кулинарных экспериментов, из-за чего у слабого животом Зямы, например, нагрудные кармашки всегда набиты мезимом, фесталом и активированным углем, как газыри – патронами.

– Нет! Я не хочу кушать! – крикнула я, перекрывая шум воды в умывальнике.

– Хм... Тогда у меня больше нет версий, – признался Зяма, отступая от двери.

– Дюшенька, тебя кто-то обидел? – бронетанковым голосом пробряцал встревоженный папа.

Это уже было ближе к истине.

Я яростно потерла лицо полотенцем, отшвырнула влажный махровый ком и распахнула дверь:

– Да! Меня обидели! Меня смертельно обидели!!!

– О, если смертельно, то это к маме, – хладнокровно резюмировал вредный Зяма.

Наша мама – прославленная сочинительница литературных ужастиков. Смерть с косою и гроб с музыкой – непременные атрибуты ее творческой деятельности.

– Кто звал меня? – замогильным голосом спросила мамуля.

Она медленно продвигалась по коридору в нашу сторону с айпадом в руках, светящийся экран которого щедро добавил ее безупречным чертам призрачной голубизны.

– Чур меня, – ретируясь, молвил слабонервный Зяма.

– Басенька, Дюша плачет! – четко доложил супруге папа.

Мама подняла глаза, и по ее затуманенному взору я поняла, что папулино донесение дошло до нее не сразу.

Какое-то время мамуля соображала: кто это – Дюша?

Видимо, ей хватило деликатности не назвать моим именем какую-нибудь бледную утопленницу, синюю удушенницу, черную ведьму и вообще никого из тех, в чей дивный мир она с головой погружалась в период работы над очередной рукописью.

– Плачет? – брезгливо повторила мамуля.

Чувствовалось, что ей гораздо больше понравились бы выражения «обливается кровавыми слезами» и «рыдает, ломая руки».

Потом до нее дошло:

– Ах, Дюша плачет!

Затуманенные очи родительницы обрели зоркость, и она сразу все поняла:

– Опять Денис?

Я всхлипнула.

– Майор Кулебякин! – уяснив, кто виновник дочуркиного плача, гаркнул в потолок мой папа-полковник.

– Не зови его, папа! – вскричала я. – Нет больше в моей жизни майора Кулебякина.

– А что с ним случилось? – в мамином вопросе прозвучал профессиональный интерес.

– Да жив он, жив, – отмахнулась я, упреждая расспросы. – Для всего человечества жив, а для меня умер. Все, мы расстались, и на этот раз – окончательно.

– Как всегда, – кивнула мамуля. – И из-за чего на этот раз?

Я обвела лица родственников скорбным взглядом:

– У него не будет летнего отпуска!

– И что? – папуля сути трагедии не понял.

– Ну как – что, пап? Теперь накрылся медным тазом Вечный город! – объяснил ему смущенный Зяма. – Или же нашей Дюхе придется гулять по Риму одной.

Я печально кивнула.

– Я категорически против того, чтобы наша девочка ехала в Рим одна, – твердо сказал папа. – Мы все наслышаны о темпераменте итальянских мужчин.

– Я могу поехать с Дюшей! – быстро сказала мамуля.

Глаза ее заблестели и забегали, как болотные огни.

– Только через мой труп! – объявил папуля и воинственно взмахнул поварешкой.

– Ревнивец! – обличила его мама.

– Вертихвостка! – не замедлил с ответом папа.

– Не при детях, пожалуйста! – Зяма потеснил ссорящихся родителей, выжимая их из коридора в кухню, и потянул меня за рукав: – Пойдем, побеседуем.

Мы уединились в Зяминой комнате – там, благодаря коллекции этнических ковриков на стенах, хорошая звукоизоляция.

– Давай поговорим о сложившейся ситуации без эмоций, – удобно расположившись на оттоманке, предложил братишка. – Что ты теряешь? Я имею в виду, кроме святой веры в любовь Дениса Кулебякина?

– Отпуск, – мрачно ответила я. – Я эту летнюю неделю из шефа выдавливала прямо по Чехову – как раба: по капле, день за днем. Больше месяца его трамбовала! И если теперь я не уйду в отпуск, как запланировала, то буду вкалывать в наших рудниках до зимы.

– Это печально, – без тени грусти согласился Зяма, который ни в каких рудниках не вкалывает, ибо он свободный художник, сам себе и раб, и господин.

– Это еще печальнее, чем кажется, – я решила быть абсолютно честной. – По правде говоря, Бронич дал мне неделю, а я собралась отсутствовать десять дней, так что по возвраще-

нии меня ждет скандал, но сейчас это неважно. Сейчас важно, что отель в Риме предоплачен по рекламной акции, с условием, что деньги не возвращаются.

– Это серьезный аргумент.

– И, наконец, билеты сдать нельзя, потому что авиакомпания – дискаунтер, – закончила я. – А я оплатила их своей собственной карточкой, потому что у моего бывшего любимого мента нет и никогда не было «пластиковых денег».

– У него и обычные-то не водятся, – кивнул Зяма. – «Короче, Склихасовский»! Не буду играть на твоих расстроенных нервах. Так и быть, я могу выкроить в своем напряженном творческом графике недельку для поездки в Рим. Причем я сам заплачу за переоформление билета и честно разделю с тобой расходы на отель.

– Но?

Я не спешила радоваться.

Я хорошо знаю Зяму.

«Бойтесь данайцев, дары приносящих» – это про него.

Зямыны троянские кони отличаются только габаритами и дизайном.

Притом до сих пор братишка ни разу не выказывал желания посетить прекрасный итальянский край, наоборот, твердил, что у него очень много неотложных и важных дел на родине. Занимался ими Зяма едва ли не круглосуточно, так что уже с месяц примерно наше с ним общение было крайне нерегулярным, а случайные встречи происходили в основном на кухне, у холодильника.

– Но ты прекратишь предавать интересы семьи и помиришь меня с Трошкиной! – заявил он.

Алка Трошкина – это моя лучшая подруга, очень милая девушка, любовь которой бесовственный Зяма топтал так долго, что ее нежное сердце покрылось толстой асфальтовой коркой. Теперь Алка в Зямину сторону даже не смотрит, а беспутный братец мой, наоборот, вдруг возмечтал лишь о ней. Он даже согласен жениться! К сожалению, теперь ни на что такое не согласна Алка.

Перефразируя слова поэта: чем меньше мы мужчину любим, тем больше нравимся ему.

– Даже если я вас помирю, вы снова поссоритесь, как только ты снова положишь глаз на чужие голые коленки, – предупредила я.

– Так ведь скоро осень, – напомнил мне Зяма. – В холодное время года риск увидеть чужие голые коленки много ниже, а к весне мы с Аллочкой уже будем женаты.

– Какой же ты, Зямка, бессовестный мерзавец, – сказала я – и все же задумалась.

С одной стороны, предложенная братцем сделка пахла предательством, а с другой – Трошкина ведь и сама мечтает стать Кузнецовой...

Я притихла...

Зяма, привлекая мое внимание, нетерпеливо пощелкал пальцами перед моим лицом. Я очнулась, и он, моментально угадав мое решение, ловко переформатировал фигуру из трех пальцев в развернутую для рукопожатия ладонь.

– Ладно, брат, договорились, – я энергично потрясла холеную руку братца. – Но с тебя хороший подарок Трошкиной из Рима – с ним и пойдем к ней мириться.

– Я согласен! – Зяма расплылся в улыбке. – Я могу привезти ей кусок Колизея! Фрагмент дорической колонны, а? Обломок мрамора килограммов на сто! Мне для любимой ничего не жалко!

Тогда я не обратила внимания на эту его фразу, а зря!

Обещание, произнесенное Зямой для красного словца, оказалось пророческим.

– Детки, все порядке? – вежливо постучавшись, в комнату заглянул папуля.

– У нас – да, а у вас? – дипломатично отозвался братец.

– Все прекрасно.

Папуля улыбнулся, ввинтил в уши наушники плеера и удалился, встряхивая гузкой и немелодично напевая:

– Но парле американо! Американо! Американо!

Очевидно, на ужин нам следовало ожидать какое-то блюдо заокеанской кухни.

– Но парле италиано! Италиано! Италиано! – переиначив песенку, подмигнул мне Зяма.

– Ничего, как-нибудь обойдемся английским, – ответила я, подумав, что это реплика по существу.

Эх, знала бы я тогда, что нас ждет!

Снова Рим, наше время

На пятый день пребывания в Вечном городе, переполненные впечатлениями, мы начали сторониться торных туристических дорог, все с большим умилением поглядывая в сторону уединенных фонтанчиков и тихих сквериков.

Сбросить с натруженных ног кроссовки, потоптаться босиком по редкой бурой траве и вылить себе за воротник пригоршню чистой холодной водицы из древнеримского водопровода – это было поистине райское блаженство.

А еще – растянуться на покривившейся каменной лавочке под раскидистым деревом, в ветвях которого возятся, сражаясь с несъедобными толстокорыми цитрусовыми с красивым названием «померанцы», зеленые попугайчики...

А еще – не вставая с лавочки, мобильником сфотографировать свои босые ноги на фоне античных руин и тут же выложить снимок на фейсбук с незатейливой подписью типа: «Я на солнышке лежу!»

И продолжать лежать, поглядывая то на горький апельсин над головой, то на все удлиняющийся список завистливых комментариев в соцсети...

Единственной проблемой оказался ажиотажный спрос на укромные скверики. Организованные туристы об их существовании даже не подозревали, зато полулегальные гости города – темнокожие деятели уличной торговли – в рабочий полдень массово укладывались на траву-мураву подремать.

Чтобы не конкурировать с другими утомленными солнцем, мы с Зямой проводили сиесту в отеле, а в тихие скверики выдвигались под вечер – с бутылочкой доброго итальянского вина и запасом свежих бутербродов из супермаркета.

Мы нашли в самом центре города два прелестных сквера. Один, если я правильно поняла итальянскую надпись на табличке, назывался «Сад Квиринале», другой, расположенный совсем рядом, оказался без всякой таблички и вообще поскромнее, поэтому Зяма так и спрашивал меня: «Где сегодня посидим – во саду иль в огороде?»

«Во саду» стоял памятник усатому вояке по имени Карло Альберто на безымянном коне. Постамент украшали батальные сцены, в которых мы обнаружили принципиальную неправильность: изображенные на барельефах уланы, драгуны и прочие военнообязанные кентавры сражались голыми руками. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что у некоторых бойцов в кулаках сохранились гарды, однако клинки исчезли. Это низвело благородные поединки на саблях до вульгарных потасовок на кулачках – воистину от великого до смешного один шаг.

– Не иначе, это туристы солдатиков обезоружили, – резюмировала я. – Отломали бронзовые сабельки на сувениры, варвары!

– Некультурные люди, им только покажи, где что плохо лежит! – возмутился Зяма.

В соседнем сквере памятников не было, но туда мы попали только с третьей попытки, потому что он не был круглосуточно открыт всем ветрам, туристам и гастарбайтерам. На ночь ворота в этот скромный оазис закрывались на замок, а на углу очень неудачно располагался полицейский в будочке. Он охранял правительственное здание по соседству, но наверняка отреагировал бы и на несанкционированное вторжение в сквер. Мы с Зямой не рискнули лезть через забор и пришли, как порядочные, за пару часов до закрытия.

Был тот тихий вечерний час, когда в нашем отечестве пенсионеры, домохозяйки и младшие школьники выходят во двор подышать свежим воздухом, обменяться взглядами и слухами, покатаются на качелях и поиграть с мячом – кто чем занимается. В итальянском варианте эта традиция выглядела поскромнее: детей мы не увидели вовсе, а граждане постарше сидели на лавочках порознь и коммуницировали слабо.

Несмотря на то что этим вечером Зяма выгуливал по Риму нечеловеческой красоты льняные порты с кружевной оторочкой и телесного цвета майку с принтом в виде нагрудной татуировки «Я натурал», наше появление в скверике никого не впечатлило.

– А как ты думал? В этом городе привыкли к зрелищам, – сказала я братцу, похлопав его по крутому плечу. – Когда-то народ тут так и требовал: «Хлеба и зрелищ!», но те времена давно прошли.

– Хочешь сказать, я не мог бы составить конкуренцию гладиаторам? – обиделся Зяма.

– Ну, почему же?

Я прищурилась и оглядела братца с головы до ног.

Надо признать, Зямка у нас красавец. Он на голову выше меня (а у меня своих 185 сантиметров) и сложен, как Аполлон.

– Тебе бы сандалии с ремешками, юбочку из бронзовых лепестков, нагрудник из дубленой кожи...

– И можно было бы зарабатывать на лазанью, фотографируясь за деньги с туристами у Колизея! – повеселел братишка. – Только еще загореть немножко.

Он тут же стянул с себя майку и подставил роскошный торс итальянскому солнышку. Потом покосился на публику, которая все еще не прониклась, и пошел, поигрывая мускулами, к фонтанчику – плескаться, фыркать и всяко-разно привлекать к себе внимание.

– Пижон! – тихо хмыкнула я, опускаясь на внушительный обломок чего-то античного.

Солнечный свет, процеженный сквозь раскидистую крону высоченной старой пинии, теплым медом стекал мне на плечи. Пахло пылью, сухой травой и цветами: в углу, у огороженных пластиковой сеткой невнятных руин, пламенел куст гибискуса. Там же пучком росли раскидистые пальмы, затейливо сочетавшиеся с лопухами.

Я расслабленно смотрела на братца, принимавшего нехитрую водную процедуру.

Внезапно загорелая спина Зяма застыла, словно отлитая в бронзе. Братец обернулся ко мне, и я встревожилась: лицо у Зямки перекошилось, глаз задергался, и общий вид сделался крайне нездоровым!

– Не хватало еще подхватить какую-нибудь древнюю кишечную заразу, – забеспокоилась я, слезая с камешка.

До сих пор я очень радовалась многочисленным римским фонтанам и бюветам с превосходной и бесплатной питьевой водой. Но, как говорится, что гладиатору хорошо, то Зяме – смерть! Не дай Юпитер, конечно...

– Что с тобой, братец козленочек? Тебе дурно? – как добрая сестрица, спросила я Зяму, подойдя поближе.

– За козленочка можно и в глаз, – беззлобно ответил братец, которого в детстве морально мучали необразованные одноклассники, упорно писавшие красивое имя Казимир в два слова: Козий Мир. – Но мне не плохо, нет. Мне хорошо! Мне прекрасно и удивительно! О! Ты только посмотри! Ты видишь это?!

– Что?

Я проследила за направлением взгляда брата Зямы, чье скуластое лицо уже украсил лихо-радочный румянец.

– Это! Это!

Братец отошел от фонтанчика и принялся сладострастно оглаживать массивное основание чахлой клумбы.

Неопознанные хилые побеги торчали из сухой земли, заполнявшей некое подобие цветочного горшка, увеличенного раз в десять в высоту и в двадцать – в ширину.

Чем тут восхищаться, я не поняла?

– Индия Кузнецова, ты – невежественная варварша, – заклеил меня позором Зяма, лаская дрожащими руками завитушку на боку мега-горшка. – Дюха, это же ванна! Мраморная ванна, восемнадцатый век!

Тут он просканировал взглядом фасад ближайшего жилого дома – красивого, старинного, цвета «клубничное бланманже», с зелеными щелястыми ставнями, колоннами, лепниной и бельведером – и добавил:

– А может быть, даже семнадцатый!

– Разбитая, наверное? – предположила я.

Зяма тут же согнулся и полез пристально осматривать бельведерскую ванну со всех сторон, приобретя большое сходство не с гладиатором, а с дюжей полуголой пастушкой, озабоченно инспектирующей особо мощное коровье вымя.

– Целая!

Зяма вынырнул из-за ванны.

Глаза его сияли.

– Прекрасно, – сухо сказала я, немного напуганная этой фанатичной радостью. – Это целая итальянская мраморная ванна семнадцатого века из дворца. Можно сказать, донна ванна бельведерес. И что? Мало ли в Италии этих ванн? Да в Риме полным-полно более важных и древних достопримечательностей, даже по части сантехники и банно-прачечных услуг. Вспомни хотя бы термы Каракаллы.

В этих знаменитых термах одновременно могли принимать водные процедуры полторы тысячи древних римлян. В наше время термы Каракаллы обезвожены, сеансы массового мытья там давно не проводятся, зато в естественных декорациях играют спектакли для туристов. Мы с Зямой незаконно проникли в термы с заднего хода – через ворота, куда заезжают фуры с оборудованием для вечерних представлений. Прежде чем нас обнаружили на охраняемом объекте рабочие сцены, мы с братцем успели без помех и провожатых осмотреть все закоулки античных бань и даже обсудили возможность сколупнуть пару-тройку древних мозаичных плиточек на сувениры друзьям в России.

По итогам состоявшейся экскурсии Зяма заявил, что теперь ему понятно, каким должен быть реально шикарный фитнес-клуб, но голодного блеска в глазах и лихорадочного румянца на щеках термы Каракаллы у него не вызвали.

– Ну, ты сравнила! – братец всплеснул руками. – Термы Каракаллы – культурная ценность мирового значения! Они принадлежат всему человечеству!

Вот тут я кое-что поняла:

– Ага, а эта конкретная ванна никому не принадлежит, ты к этому клонишь?

– Да!

– У некоторых туристов совсем совести нет, – вздохнула я. – Им в культурной столице мира только покажи, что где плохо лежит! Враз сопрут, хоть бронзовую сабельку, хоть мраморную ванночку...

Зяма пристально посмотрел мне в глаза.

– Злые и глупые люди ее выбросили, поменяв на банальнейшую стальную ванну образца двадцать первого века! И вот стоит она тут, сиротеет, одинокая, несчастная и никому не нужная...

– Намек понят, – сказала я и нахмурилась. – Ключевые слова: «никому не нужна тут», да? А кому и где нужна?

– Все-таки ты не дура у нас, Дюха! – воскликнул Зяма и полез ко мне обниматься. – Да за эту раритетную ванну какой-нибудь олигарх из наших широт заплатит золотом по весу!

– И ты знаешь такого олигарха?

Я с новым интересом посмотрела сначала на ванну, потом на брата.

Вообще-то, вопрос был риторическим. Зямка – очень модный и высокооплачиваемый интерьер-дизайнер, среди его клиентов и миллионеры попадаются.

Я поменяла вопрос:

– И сколько же она весит?

– Хороший вопрос!

Зяма снова полез осматривать сантехнический артефакт.

– С полтонны, я думаю. Может, три-четыре центнера, где-то так... Да, это проблема.

Я наскоро прикинула, будет ли мне очень трудно потратить полтонны золота? Ну, не полтонны, а двести пятьдесят кило, если по-честному поделить с Зямой? Нет, не будет! Так какая проблема?

– Дюха, подумай головой! – Зяма бесцеремонно постучал кулаком по моему лбу.

Прислушался. Постучал по ванне.

Я облегченно выдохнула: звук был другой.

– Проблема в том, чтобы унести ее отсюда! – объяснил Зяма.

Я отступила на шаг, окинула взглядом скульптурную группу «Бронзовый гладиатор и мраморная ванна весом в полтонны» и присвистнула:

– Не-е-ет, не потянем!

– Потянем, потянем! – уверенно сказал Зяма и для начала потянул меня за руку. – Ну-ка, давай отойдем в стороночку. Не будем привлекать к себе внимание.

Зяма, не желающий привлекать к себе внимание, – это была редкость почище сантехнического артефакта! Я послушно удалилась с ним на заранее подготовленную позицию.

Мы с братцем уселись на камень и зашептались, разрабатывая план спасения и возвращения к жизни прозябающего в неизвестности и небрежении антиквариата.

Сформировавшиеся пункты плана мы заедали бутербродами и запивали вином. Шипучее и сладкое «Чинзано Асти» по смешной цене – четыре евро за бутылку – весьма способствовало впадению в состояние эйфории, и к тому моменту, когда сквер опустел, идея уволочь из Рима в Россию полтонны мрамора в компактной форме целой ванны уже не казалась мне абсолютно бредовой. Малость странноватой в отдельных аспектах – это да.

Я так и сказала Зяме:

– Странно, что ты не торгуешься со мной из-за доли, кому сколько денег достанется!

– Мы честно поделимся, – пообещал братишка.

Я не забыла, как «честно» мы делили шоколадные конфеты из новогодних подарков, но не стала напоминать об этом брату. Только пожала плечами и сказала:

– Посмотрим.

– Увидим, – вставая с камешка, поддакнул мне Зяма.

Шагая на заплетающихся ногах по бульвару в направлении отеля, мы весело скандировали слегка переиначенный стишок Михалкова:

Донна Ванна, наш отряд
Хочет видеть поросят!

Идиоты.

Мироздание снова откликнулось на наш душевный порыв и подложило нам свинью!

Наутро Зяма потащил меня в Ватикан.

Вообще-то, мы планировали сделать это перед самым отъездом, посвятив основательному осмотру «государства в государстве» целый день, но братец веско сказал:

– Потом будет некогда!

И я подчинилась, подумав, что это психологически правильный ход: сделать с утра пораньше что-то богоугодное, чтобы вечером с чистой совестью творить непотребства.

– Сначала походим по святым местам, а потом подадимся в преступники, – озвучила я свои мысли для братца, и он так глубоко проникся этой логикой, что даже пошел исповедоваться.

Я ограничилась тем, что купила освященный образок и новаторски пристроила его на бегунок застежки-молнии, откуда как-то незаметно оторвался и потерялся штатный медный язычок.

– Неожиданно, но интересно, – прокомментировал мои действия профессиональный дизайнер.

– И функционально, – с легким вызовом добавила я.

Я уже сломала один ноготь, застегивая свои джинсы без этого самого язычка.

Зяма рысью обежал собор, внимательно изучая наклепленные на кабинки бумажки с целью найти священника, принимающего исповедь на русском, однако славянские языки оказались в Ватикане не в чести. Единственный падре был готов к отправлению обряда на украинском, за который более или менее сошла кубанская станичная «балачка».

Исповедально балакающий братец был смешон, но – только в моих глазах: другие дамы на коленопреклоненного Зяму засматривались, явно мечтая увидеть его в аналогичной позиции у своих ног.

Зяма конспективно поведал святому отцу о своей карьере прелюбодея, получил отпущение грехов и с улыбкой неподдельного облегчения сообщил мне на ушко, что теперь он полностью готов наставить на путь истинный заблудшую потерянную ванну.

Я не стала уточнять, ведет ли истинный путь ванны в Россию – это было очевидно. К тому же, Зяма еще ночью провел по телефону приватный разговор с каким-то заинтересованным отечественным миллионером и заручился его обещанием организовать нам техподдержку на стадии вывоза объекта из Италии.

Наша задача упростилась.

– Вечером сопрем ее, утром сдадим – и вуаля! Считай, что денежки у нас в кармане, – резюмировал воодушевленный братец.

– Вечером ванна – утром деньги, – поддакнула я, вспомнив «Двенадцать стульев».

Из Ватикана мы отправились в супермаркет, где купили жареного цыпленка, бутылку кьянти, пару панини с ветчиной, мясницкий нож и детский набор для песочницы с превосходным, изготовленным в лучших традициях военной конверсии, совочком из эмалированного железа. Пластмассовая лейка продавалась отдельно – мы взяли и ее, рассудив, что землю из ванны, возможно, легче будет выковыривать в сыром виде.

Громадный матерчатый чемодан, который прекрасно подошел бы для африканских контрабандистов, нелегально вывозящих слонят и бегемотиков, мы выторговали на улице за двадцать евро. Причем в качестве бонуса чернокожий продавец (явно родственник тех самых контрабандистов) предложил нам большую скидку на покупку средних размеров саквояжа с фальшивым лейблом «Гуччи».

– Не будем опускаться до подделок! – высокомерно молвил Зяма. – Только качественный товар, только настоящие шедевры!

И – в продолжение этой похвальной концепции – без спроса взял в качестве подкладного дна для укрепления чемодана одну из массивных деревянных ступеней, приготовленных для починки лестницы в нашем отеле.

Отель, если верить рекламному проспекту, в прошлом году справил свое трехсотлетие, так что лестница наверняка могла считаться произведением итальянского деревянного зодчества.

На развале у вокзала Термини мы за полкопейки купили пару бесформенных толстовок с капюшоном и две бейсболки – для маскировки. А вот на транспорт нам пришлось раскошиться.

– Не думал, что на старости лет буду тратиться на скейты! – причитал скуповатый Зяма, расплачиваясь за пару досок в лавке спорттоваров.

– Это не роскошь, а средство передвижения! – напомнила я, и братец замолчал.

Мы выбрали упрощенную модель с самой широкой – девять дюймов – восьмислойной декой из канадского клена и карбоновыми дисками подвески. Продавец пошутил, что такая доска выдержит даже кульбиты тяжеловеса-суматори, если ему вздумается сменить вид спорта.

Мы с Зямой оценили подсказку и прикинули: хороший борец сумо весит сто двадцать, а то и сто пятьдесят кило, а наша ванна – примерно четыреста. То есть чуть больше, чем пара добрых суматори, но ванна не будет подпрыгивать и толкаться, так что непродолжительную эксплуатацию в щадящем режиме скейты должны выдержать.

Экипированные в соответствии с замыслом, мы выдвинулись на Виа Кавур за полчаса до закрытия сквера.

Ванна стояла на месте, лавочки пустовали.

Мы спрятались за цветущим кустом, подождали, пока ворота не запрут, и только тогда приступили к работе.

Земля в ванне оказалась цементной плотности. Не удивительно, что нежные цветочки не смогли в ней расти! Даже стальная лопаточка только царапала плотно спрессованный блок серозема. К счастью, мы это предусмотрели.

Мы с братцем разделились: Зяма таскал лейкой воду от фонтана, а я ковыряла размоченную землю совочком.

– Грязная работа, – заметила я минут через пятнадцать напряженного и малорезультативного труда.

– Воистину, мокрое дело! – поддакнул Зяма.

Мы поменялись, и я засновала по воду с лейкой, а братец заработал совочком.

Примерно через час ему удалось пробить земляную корку, под которой обнаружился слой песка. Очевидно, люди, разжаловавшие антикварную ванну до «уровня» уличной клумбы, пытались сделать это по правилам садового искусства. Я предположила, что под песком будет гравий или мелкие камни, и оказалась права.

С песком и щебнем мы справились быстро. Я орудовала совочком, а Зяма то тесаком мясника, то просто руками. Он самоотверженно, забыв про маникюр, выгребал камни горстями, и я тоже старалась вовсю, нагибаясь и распрямляясь, точно кланяющаяся марионетка, пока не почувствовала, что мои джинсы не выдержали этой физкультуры и снова расстегнулись. Со злополучной застежки-молнии, чтоб ей треснуть, опять дезертировал язычок замка!

Случилось это, надо признать, крайне не вовремя.

Мы почти опорожнили ванну и теперь были окружены бугристым песочно-земляным валом. Искать среди этих рукотворных холмов такую маленькую штучку, как беглый язычок-образок, представлялось бесперспективным делом, но я все-таки попыталась.

Поиски осложнялись тем, что уже стемнело, а мы с Зямой не подумали об освещении. Пришлось подсвечивать себе мобильником.

Мне повезло: я нашла свой медальон. Он здорово испачкался, но я прицепила его на бегунок, не тратя времени на санобработку: я и сама была грязной, как всем известное животное с пятачком.

– Мы точно свиньи у корыта! – прямо сказал Зяма и любовно погладил ванну.

Ее мы заботливо ополоснули из лейки, а собственное омовение отложили до момента возвращения в отель.

Потом мы приступили к упаковке.

Сначала максимально широко распахнули чемодан, так, что его мягкие матерчатые половинки крыльями легли на сырую землю, а затем с помощью наклонной доски переправили туда ванну – вместе с доской, без которой эта громадина наверняка прорвала бы днище чемодана. Но и в такой конфигурации багаж получился совершенно неподъемным, поэтому нам пришлось повозиться еще, подпихивая под несущую доску скейты. Очень удачно получилось: загнутые концы досок плотно охватили чемодан снизу.

Наконец все было готово для транспортировки, и осталось решить лишь одну задачу: как вывезти нашу телегу из огороженного сквера с закрытыми воротами?

Переправить чемодан весом в полтонны через забор без подъемного крана или вертолета не представлялось возможным. Перепилить или вскрыть амбарный замок на калитке было много реальнее, тем более что Зяма на школьных уроках труда обучался слесарному делу. Но практиковаться в забытом ремесле ему пришлось бы в поле зрения охранника, а это резко уменьшало шансы на успех операции.

– Делать нечего, придется оставить тут чемоданчик до утра, – решила я, рассмотрев все варианты.

– А его не сопрут? – заволновался братец.

– Как? – коротко спросила я. – Хотела бы я на это посмотреть!

В самом деле, всякий, желающий похитить неподъемный чемодан, оказался бы в том же самом положении, что и мы сейчас: без вертолета как без рук.

Мы закатали чемодан в кустики за пальмами. Черный и густо перемазанный землей, он прекрасно замаскировался на местности.

– Жди меня, и я вернусь! – уходя, пообещал донне ванне бельведерос мой романтический братец. – К утреннему открытию сквера я буду стоять здесь как штык!

Не отягощенные четырехсоткилограммовым наследием прошлого, мы легкими тенями перемахнули через штыки забора в самом дальнем от будки охранника уголке сквера и без дополнительных приключений вернулись в отель.

Анджело Тоцци очень не нравилось его новое задание.

Анджело был «безродным псом» – его отец торговал в Палермо углем. В коза ностра юный Тоцци пришел из уличной банды и с трудом дослужился до третьего помощника второго человека. Для беспородного бандита без серьезных связей это была прекрасная карьера, но теперь Анджело рисковал ее обрушить, и лишь потому, что Карло Палермскому приспичило поиграть в Отелло Венецианского.

Карло родился карликом, что было бы смешно, если бы за одну непочтительную улыбку в свою сторону обладатель столь подходящего ему имени не казнил весельчаков с безжалостностью урожденного Греко. Потомок одной из самых уважаемых династий сицилийской мафии, Карло умел внушить к себе уважение, превосходящее его физические габариты во много раз.

Анджело не мог ослушаться Карло, но Анджело создавал, что на сей раз Карло дал слабину. Он не должен был лично следить за Марией. Ну и что, что она – его любимая жена и единственная дочь уважаемого человека? Факт измены такому мужу, как Карло Греко, имело бы смысл скрывать от общественности лишь в том случае, если мужчина был слишком слаб, чтобы наказать свою женщину, как подобает. А быть в подчинении у слабого босса, как минимум, бесперспективно.

А еще Анджело понимал: то, что Карло приехал в Рим с одним-единственным провожаемым, говорит не столько о его доверии, сколько о том, что ему не будет жаль расстаться с безродным Тоцци. Марию-то он, может, и пощадит, а вот Анджело точно зароет.

Однако никакой возможности уклониться от деликатного задания у Анджело не было, и он честно сделал все, что от него требовалось.

– Где? – коротко прорычал Карло, перебравшись через забор с ловкостью циркового лилипута.

Он озирался, как затравленный зверь. Чайного цвета глаза в свете фонаря казались желтыми, как у рыси.

– Сюда, – лаконично ответил Анджело, понимая, что в данной ситуации многословие – короткий путь на тот свет.

Лавочку с прекрасным видом на нужное окно он нашел еще засветло, а накануне подкупил приходящую уборщицу, пообещавшую не закрывать ставни и не задергивать шторы в спальне, как обычно. Арочный вход в опочивальню располагался напротив окна, в связи с чем сочетание бинокля и широкого просвета в занавесках выглядело многообещающим.

Анджело сопровождал Карло на лавочку, вручил ему бинокль и со словами:

– Французское окно на третьем этаже, – отступил на авансцену.

Разумеется, ему было любопытно. Но, что бы ни «планировал» увидеть в чужой спальне ревнивец Карло, свидетель ему был не нужен.

Окно на третьем этаже озарилось светом всего на пару минут. Анджело с беспокойством наблюдал за треугольной спиной Карло. Босс сидел очень прямо и руки с биноклем зафиксировал так крепко, словно был сложной формы корягой.

Так, цельнодеревянной фигурой, он и повалился на бок за секунду до того, как окно потемнело.

– Карло!

Анджело подскочил к лавочке, не позволив боссу упасть на землю, и только через минуту бесплодных попыток привести Карло в чувство со всей определенностью понял, что по-сыновьи обнимает мертвое тело.

Вопрос «Что происходит в этой спальне?» сразу же потерял актуальность и уступил место другому: «Что делать с этим телом?»

Оставить его на лавочке нельзя – даже мертвый Карло Греко заслуживает уважения. В то же время перебросить тело, даже не очень крупное, через двухметровую каменную ограду Анджело не смог бы. Можно было попробовать протащить покойника сквозь мраморную баллюстраду или через решетку калитки – по идее, человеческая голова в фигурный зазор проходила, а где пролезет голова, пройдет и все тело, тем более карликовое... Но неизбежные при этом увечья впоследствии непременно поставили бы Анджело в вину. Да еще и докажи, что эти повреждения – посмертные!

Кроме того, очень опасно было бы открыто транспортировать тело Карло по чужому городу. Призвав на помощь небесных покровителей переносчиков тяжестей – святых Христофора и Мавра, – Анджело мог бы унести труп на руках, но как далеко? Весьма вероятно, что только до первого встречного полицейского. А уж какая шумиха поднимется, если его в центре Рима задержат с трупом известного мафиози, Анджело даже представлять не хотел.

Впрочем, у него еще был шанс все уладить.

После смерти Карло Греко вторым человеком в мафии автоматически становился его двоюродный брат Сальваторе. Великой родственной любви между кузенами не наблюдалось, и за благую весть о неожиданном скачке своей карьеры Сальваторе вполне мог проявить благодарность.

Стоя в темном сквере посреди чужого города с трупом бывшего босса на руках, Анджело остро нуждался в новом покровителе.

Он вновь опустил тело на лавочку, вынул из кармана кургузых штанишек почтенного карлика дорогой мобильник и позвонил Сальваторе.

– Что значит – мертв? Как мертв, почему мертв, кто убийца? – спросонья новый босс Греко не понял, что ситуация еще более экстремальная, чем это обычно бывает.

Анджело четко и ясно доложил обстановку, постаравшись лишить свой короткий доклад всякой эмоциональной окраски.

Это оказалось правильной тактикой.

– Умер, тайком наблюдая за женой и ее любовником в Риме?

Сальваторе уловил деликатную суть дела и понял, что над династией Греко нависла реальная угроза стать посмешищем всей Сицилии.

– Так, слушай меня, мальчик. Во-первых, никому ни слова! Ты сообщил информацию мне и больше никогда об этом не вспомнишь.

– Клянусь вам, босс, – ответил Анджело и затаил дыхание в ожидании ответа, решающего его судьбу.

Сальваторе обращение «босс» благосклонно проглотил!

Анджело понял, что у него есть будущее.

– Теперь главное. Тело тихо, без всякой огласки, доставить в Палермо. Немедленно!

– Мне понадобится помощь, – сказал Анджело. – У вас есть свои люди в Риме?

Сальваторе помолчал.

– Люди будут у тебя через четыре часа. Скажи, куда им ехать.

Анджело озвучил адрес, посмотрел на экране мобильного, который сейчас час, выключил телефон и вытер мокрый лоб. Ночь была прохладной, но он вспотел, уяснив свои ближайшие перспективы.

Было четыре часа утра. Когда приедут люди Сальваторе, в центре столицы будет уже светло и многолюдно. Решение поставленной новым боссом задачи – вынести тело старого босса без шума и всякой огласки – станет весьма проблематичным.

Как, ради всего святого, они это сделают?!

У него еще было время подумать.

Анджело кротко попросил о помощи небесного покровителя вахтеров и ночных сторожей – святого Петра Алькантарского – и приготовился терпеливо ждать.

А потом до него дошло, что ему предстоит скоротать утро на росистой лавочке в неудобной компании трупа, из-за чего терпение и выдержка ему изменили, и он яростным шепотом проклял свою злую судьбу.

С этим надо было что-то делать.

В автобусе Санек едва не попался.

Билетик-то он приобрел, но давно, еще на прошлой неделе, и с тех пор почти ежедневно катался с ним, используя секретную технологию римских «зайцев».

Тот край билета, куда автомат ставил штампик с датой поездки, заблаговременно намазывался мылом. Подсохнув, мыльная корочка принимала удар штемпеля на себя и по окончании путешествия смывалась вместе с чернилами. К сожалению, качество бумаги не позволяло повторять этот трюк до бесконечности: следы воздействия мыла, воды и чернил становились все более очевидными, так что шансы обмануть контролера быстро уменьшались.

Увидев в автобусе казенного вида товарища с непримиримым выражением лица, хитрый русско-итальянский «заяц» моментально передумал садиться в транспортное средство. Он развернулся и ушел с остановки.

Не повезло: вообще-то, контролеры в общественном транспорте Рима – большая редкость.

Теперь Саньку предстояло топтать на своих двоих через весь город, но пеший марш-бросок по жаре страшил его меньше, чем сорок евро штрафа, сутки в тюрьме и депортация из Италии.

Санек не планировал уезжать из Вечного города в ближайшее время. По крайней мере, до тех пор, пока Наташка не образумится и не поймет, что этот ее древний итальянский хахаль в подметки не годится молодому русскому мужу.

В Рим Санек приехал в надежде образумить супругу, укатившую в Италию с гуманитарной миссией – присматривать за одиноким пожилым господином, способным оплачивать заботу о себе, болезном, полновесными евро. Сиделкой Наташка оказалась прекрасной, так что пожилой господин, не допуская и мысли о расставании с заботливой девушкой, очень скоро повел речь о свадьбе.

Санек пытался объяснить Наташке, что старый хрыч просто хочет сэкономить деньги, сделав русскую женушку бесплатной «прислужгой-за-все», но глупая женщина ничего не хотела слушать. Санек же не мог отступить и в результате уже восемь месяцев болтался в стольном итальянском граде, как известная субстанция в простой русской проруби.

Денег у него не было, постоянной работы и жилья – тоже. Крышу над головой и комковатый матрас под боком Саньку предоставил заброшенный дом, где ютились гастарбайтеры. Старший над ними, мордастый негр Хаби, время от времени пристраивал Саньку на работу, однако за трудоустройство нужно было платить, и немало: к примеру, месячный ангажемент на стройку в качестве сторожа стоил Саньку пяти сотен евро.

Кормился Санек от щедрот многочисленных церковных общин с их благотворительными обедами, где можно было основательно набить не только брюхо, но и пару судочков про запас. Те же добрые прихожане весьма недурственно его одевали: в ворохе собранной «для бедных» одежды Санек откапывал такие джинсы, за которые на родине ему пришлось бы отстегнуть кучу денег в бутике.

В общем, жизнь на чужбине была не так уж плоха. Радовали климат и выбор дешевых вин.

Угнетало отсутствие доброй компании и приятного общения.

Ради этого Санек время от времени, когда у него случались деньги, наведывался в интернет-кафе. Заплатив полтора евро за час, он отводил душу в «Одноклассниках», «ВКонтакте», на «Фейсбуке», в чатах сайтов «Русский Рим» и «Италия по-русски». Он даже разместил там свое объявление с предложением услуг, перечислив все те виды деятельности, которыми когда-либо занимался или же мог бы заняться, буде на них появится спрос.

Человек с ником Бигмен, что элементарно переводилось как «Большой человек», очень удачно «постучался» к Саньку позавчера.

Большому человеку требовалась суцая малость: десяток-другой фотографий супруги, отправившейся в Рим в сомнительной компании подружки и с полным чемоданом подозрительно игривого белья. Бигмен страстно желал, чтобы каждый шаг его любимой по итальянской земле был запечатлен на пленке, и искал фотографа со знанием русского языка и пониманием российского менталитета.

Санек, сам пострадавший от женской неверности, понял заказчика с полуслова, и договорились они моментально.

Спустя четыре часа на пустой, как женские обещания любви и верности, кредитной карточке исполнителя появилась приличная сумма аванса.

В тот же день Санек приобрел недорогой мобильник со встроенной камерой и чуть более качественную фототехнику – компактную цифровую «мыльницу». Вооружившись таким образом, он заранее присмотрелся к отелю, куда ночью должна была вселиться супруга Бигмена.

Именно туда он и направился утром, удачно сбежав от контролера в метро.

Скромный отель удачно расположился на Эсквинском холме в пятидесяти метрах от Санта Мария Маджоре и буквально напротив другой известной церкви – базилики Санта Праседе.

Равнодушный к неодушевленным красотам Санек даже не зашел взглянуть на знаменитые византийские мозаики, страстной столб Христа и капеллу святого Зенона, за исключительное великолепие получившую название «Райский сад».

Он бесцеремонно потеснил в дверях церкви смуглолицего побирuşку с пластиковым стаканчиком для подаваний и уселся на другом краю каменного крыльца.

Приметные дизайнерские шмотки от щедрот богадельни в этот день остались не у дел: Санек предпочел им неприметные серые бриджи и мешковатую рубаху и теперь выглядел непритязательно и скромно, как начинающий бомж. С темным порталом он сочетался вполне гармонично, в глаза не бросался, внимания к себе не привлекал.

Исход народа из отеля начался примерно в восемь тридцать.

Сначала стройным караваном потянулись аккуратные мелкорослые азиаты, розово-желтые и свежие, как чайные розы.

За ними важно выступили, стуча копытами тяжелых башмаков, две тучные дамы голландской породы и пожилая чета немцев – загорелый живчик-дедушка и пышная, как квашня, бабуся.

Все эти колоритные граждане заинтересовали Саньку не больше, чем церковная мозаика. Он, правда, засмотрелся на стайку смуглых брюнеток, но не по долгу службы, а исключительно как частное лицо мужского пола. Черноволосые девицы были весьма аппетитными, однако сейчас Санек поджидал блондинку.

Вместе с инструкциями Бигмен прислал ему несколько фотографий своей предположительно неверной супруги Виктории и ее неразлучной подружки Настеньки.

Судя по снимкам, Вика-ежевика была сладкой генномодифицированной ягодкой, явно крашеной блондинкой с позлащенной в солярии кожей, перманентным макияжем и большим запасом силикона в привлекательных парных выпуклостях. Подруга Настя походила на Вику, как кукла Синди на куклу Барби, то есть тоже была ногастой, грудастой, губастой и глазастой, только не белокурой, а русоволосой.

Санек был уверен, что не пропустит эту парочку, и держал наготове в рукаве потрепанной рубахи мобильный фотоаппарат.

Однако руссо туристо осложнили работу неопытного папарацци, вывалившись из отеля плотной группой в количестве четырех человек, из которых один был мужского пола.

Это фотограф уяснил не сразу, так как сортировку объектов по гендерному признаку затруднили их прически и наряды.

Все четверо были либо в шортах, либо в джинсах, в майках пастельных тонов, с растрепанными шевелюрами разной степени белизны, с сережками в ушах и браслетами на руках. Так что, если бы самая долговязая кудрявая блондинка, которую ее спутницы называли редким именем Зяма, не разговаривала глубоким бархатным басом, Санек даже не заподозрил бы в ней мужика.

Он торопливо сделал несколько снимков великолепной четверки и, с облегчением увидев, что на углу плотная группа распалась надвое, последовал за Викой и Настей.

В девять утра в сквере было малоллюдно, только с натужным сопением бегал кругами какой-то престарелый спортсмен в трусах и майке да чинно гуляли дама с собачкой – обе кривоногие, одышливые, с брюзгливыми физиономиями.

Чемоданчик наш стоял там, где мы его оставили.

– Здравствуй, родная! – сердечно приветствовал упакованную донну ванну Зяма. – Ты готова пуститься в путь?

Ничего не ответила ему ванна, только послушно покати́лась на колесиках подкладных скейтов, демонстрируя недурные ходовые качества.

– Прекрасная конструкция, надо бы запатентовать! – радовался Зяма, ведя чемоданованну под уздцы.

Прорезиненные колесики катились мягко, так что даже на брусчатке наш экипаж шумел не больше, чем обычный чемодан.

Поскольку калитку уже открыли, вывод нашего засадного полка из сквера был осуществлен легко и быстро. Мы только немного постояли в непроглядной тени портика на выходе, дожидаясь попутчиков.

В Риме люди с чемоданами – неотъемлемая часть пейзажа, одним больше, одним меньше – картинка не меняется. Минут через пять мимо нас деловито проследовала пара американских туристов, отягощенных чемоданами и поисками нужного адреса. Мы с Зямой мимикрировали: тоже достали имевшуюся у нас карту и под прикрытием широко развернутого бумажного полотнища пристроились американцам в хвост. Охранник в будке на углу не обратил на нас никакого внимания.

К сожалению, нашему поступательному движению сильно мешали многочисленные римские лестницы, преодолеть которые мы не могли, а потому вынуждены были их обходить. В результате путь к отелю оказался очень долгим, с многочисленными ответвлениями и петлями.

– У меня странное ощущения, будто это уже было, – пожаловался мне Зяма, когда мы в третий раз выкатились на бульвар, спуститься с которого можно было только по крутым ступенькам.

– Еще бы! Мы кружим тут уже минут десять! – согласилась я.

– И, кажется, не мы одни, – добавил наблюдательный братец. – Вон те парнишки тоже петляют. Должно быть, заблудились, туристы!

Он хохотнул, ощущая свое превосходство над незадачливыми «парнишками».

Зяма, надо отдать ему должное, в Риме ориентировался, как почтовый голубь. Он с беспримерной точностью определял правильное направление и с легкостью находил дорогу в путанице узких улочек. Конечно, когда мы прогуливались по ним без громоздкой и неповоротливой чемоданной колесницы.

Я оглянулась на предполагаемых туристов, но не успела их рассмотреть, потому что парни свернули в проулок. Увидела только застиранные до белизны джинсы, мускулистые шоколадные спины под белыми борцовскими майками и кудрявые брюнетистые затылки.

– Итальянцы, наверное. А может, греки или испанцы, в общем, здешние парни, – расплывчато определил национальность туристов разговорившийся Зяма. – Видишь, они без шляп и в открытых майках, значит, не боятся южного солнца.

И он дружелюбно крикнул вслед предполагаемым грекам:

– Калимера!

– Я бы им не только «здравствуйте», я бы им и «спасибо» сказала, если бы они нам помогли! – вздохнула я.

Парни были здоровые, крепкие, как молодые бычки. А мне, изящной барышне, состоять в роли поводыря при ванно-чемоданной колеснице показалось делом утомительным.

– Ничего, сами справимся! Н-но, мертвая! – веселым басом крикнул малюточка Зяма.

Мы покатались дальше и в какой-то длинной подворотне вновь испытали ощущение deja-vu, заведя в конце туннеля не только свет, но и загораживающие его фигуры.

– Опять эти испанские греки, – заметил Зяма.

У него прекрасная зрительная память – профессиональное качество художника.

– Ехал грека через реку, видит грека – в реке рак, – нахмурясь, пробормотала я. – А ну-ка, Зямка, сворачивай!

– Куда? – удивился братец. – И зачем?

– Затем, что сунул грека руку в реку, а рак за руку грека – цап! – ответила я, налегая на «сундук».

По опасно крутой дуге мы закатились во внутренний дворик старинного дома, обогнули круглую клумбу, с ускорением промчались по колоннаде и, едва не сбив с ног какого-то зазевавшегося дедулю с фотоаппаратом, выехали на параллельную улицу.

– Зямка, мы ведь встретили их уже трижды, это точно не к добру! – на ходу взволнованно объясняла я братцу. – Это не только в Италии, это в любой стране мира дурная примета – увидеть в подворотне накачанных хлопцев.

– Ты думаешь, они нас преследуют? – заволновался Зяма. – Ты думаешь, это уличные грабители?! О боже! Если у нас отнимут ванну, я этого не переживу!

Я-то думала, что не переживу, если эта чертова ванна останется с нами еще хотя бы в течение часа – мои силы были на исходе. Однако Зяме я этого говорить не стала, озвучила лишь другую возможную угрозу:

– Это могут быть и грабители, и служители закона. Вспомни, ведь сейчас мы – преступники, похищающие культурную ценность!

– Так или иначе, но мы должны оторваться от хвоста! – постановил братишка и свирепо оскалился, как будто выражая намерение этот самый хвост перекусить.

Мобильностью мы больше походили на обоз, чем на группу отрыва, так что удрать от преследования не могли. Зато мы могли запутать свой «хвост», а потом и отбросить его, как это делают ящерицы!

– Хотя у ящериц он вырастает снова, так что аналогия не самая удачная, – справедливости ради заметила я.

Зяма от моей реплики отмахнулся.

Он продел в ручки чемодана свой ремень и впрягся в него, как рикша, так что на разговоры у него дыхания не хватало. Я подталкивала фургончик сзади, и мы довольно лихо ехали по бульвару в направлении вокзала Термини, который интересовал нас в качестве места, где тучами ходят люди с чемоданами.

Авось мы затеряемся в толпе!

Не сбавляя скорости, мы закатились под гулкие своды вокзала, сделали пару кругов по залу, на ходу разбираясь с топографией, и, наконец, нашли туалет, куда и влетели, как красноармейская тачанка, под пулеметную дробь каблуков.

Еще в полуфинале гонки, под указателем «WC», мы с Зямой договорились, что направляемся напрямиком в дамскую уборную, поскольку наши преследователи отчетливо мужского пола, а потому не последуют за нами в клозет. Зяма же при всей брутальности его фигуры, одетый в короткие розовые шорты с воланами и майку цвета лайма, вполне мог сойти за кокетливую норвежскую туристку, так что у нас был реальный шанс без шума вписаться в дамское общество.

Для полноты образа братец взлохматил кудри, напялил мои солнечные очки в черепаховой оправе со стразами и не глядя намалевал себе сочные малиновые уста. Помаду я ему тоже одолжила свою, и это подсказало изобретательному Зяме следующий ход.

– Вытряхивай из сумки, что у тебя есть красящего! – потребовал он, едва мы зарулили в тупичок за туалетными кабинками.

Синий халат на гвоздике, профессиональный набор половых щеток и несколько черных пластиковых мешков с мусором указывали на тот факт, что это служебное помещение.

Я послушно распахнула торбу, братец сунулся в нее, залез едва ли не по пояс и несколько минут энергично копался в ее недрах, изрядно меня этим нервируя. Я не всегда могла понять, чем он там гремит и шуршит, и изнывала от любопытства и беспокойства.

А ну как сломает мне что-нибудь ценное! Например, пижонскую ручку с эмалью, «Фрай Вилли», которой я никогда не пишу, или хрустальную стопочку, из которой я на работе пока-

зательно пью валерьянку, или деревянную куколку с ручками на ниточках, которая прижилась во внутреннем кармашке просто потому, что так забавно из него высовывается! Да мало ли в сумочке уважающей себя девушки различного чудного и милого хлама, а этот слон в посудной лавке разгромит мне весь фэн-шуй!

– Вот! – торжествуя молвил слон, вынырнув на поверхность с добычей в виде двух маленьких флаконов. – Это именно то, что надо!

Вооружившись красной эмалью для ногтей и белой замазкой для бумаги, братец присел на корточки у чемодана и начал творить.

Сначала я наблюдала за его вдохновенными трудами весьма скептически, но вскоре прониклась уважением к нему и восхищением.

Зямка показал высокий класс!

Скучный черный чемодан за считанные минуты превратился в классную дизайнерскую вещь. Красные и белые узоры из прямых и волнистых линий, точек и концентрических кругов преобразили наш габаритный багаж до неузнаваемости.

Правда, пованивал сей шедевр хендмейда – будь здоров, но сейчас мы готовы были с этим примириться, а потом лак высохнет и перестанет пахнуть.

Зяма заставил меня надеть поверх майки и шортиков синий халат. Подпоясанная ремешком от Гуччи, с подвернутыми рукавами и глубоким декольте, форменная одежда уборщицы превратилась в модное полотняное платье в стиле милитари. Распустить волосы, чтобы они затенили мое лицо и скрыли линии шеи и плеч, я догадалась сама.

– Ну вот! – сказал довольный моим превращением Зяма. – Совсем другая женщина! Жаль, нельзя сменить обувь.

Хотя мои джинсовые полукеды вполне гармонировали с синим платьем, Зяма все-таки замаскировал их накладками в виде бумажных цветов, ловко скрученных из туалетной бумаги.

– А ты?

Я пытливо посмотрела на брата.

Мне было интересно, как он в отсутствие иных мануфактурных изделий изменит собственную внешность. Обмотается с головы до ног пипифаксом, как мумия?

– А я пойду, как есть, – Зяма мужественно шмыгнул носом. – Вызову огонь на себя!

Он снял мои очки, стер с губ помаду, выдернул из-под нашего чемодана один из скейтов и водрузил на него большой мешок с мусором. Помял его, формируя прямоугольник, придирчиво осмотрел дело своих очумелых ручек и остался доволен:

– Сойдет, пожалуй! Ну, покатались?

Я подумала, что это неравные стартовые условия: мне достался настоящий тяжелый чемодан, а братцу – невесомый бутфорский, но возражать не стала. В конце концов, у нас тут не скачки на приз атамана казачьего войска, у нас тактический маневр, призванный обмануть врага. И вообще, Зямка же огонь на себя вызывает...

– Только после вас!

Я пропустила Зяму с мешком вперед, и он выкатился из клозетного укрытия на оперативный простор вокзала, превысив скорость звука: вскрики нежных дам, запоздало обнаруживших присутствие в уборной мужчины, его ушей не достигли.

Сделав вид, будто я вытираю лицо бумажным полотенцем, я выглянула из туалета и из-под прикрытия салфетки оглядела окрестности.

Мусорная тачанка Зямы уверенно шла на взлет по пандусу, следом в пешем строю поспешали беломаечные брюнеты.

Я дождалась, пока все они выйдут из здания вокзала на улицу, и налегла на ляжку.

Вместе с одним из скейтов мой экипаж потерял устойчивость, так что мне постоянно приходилось его придерживать и выравнивать. В результате скорость у нас с чемоданом была, как у столетней черепахи, хотя присущей этой рептилии плавности движений мы не обрели.

На то, чтобы выкатиться на улицу, у меня ушло с четверть часа – Зяма с его фальш-грузом сделал это за полминуты.

Я утешалась тем, что результат нашего заезда измеряется не минутами и секундами, и напоминала себе, что досрочно получила награду за спортивно-ездовые труды, ведь на редкость объемистый (литров на двести) мраморный кубок уже находится у меня.

Зяма – уже без мусорного мешка, но со скейтом – догнал меня на финишной прямой к нашему отелю.

Закусив губу, я гипнотизировала взглядом светофор, ожидая сигнала на преодоление последней полосы препятствий – улицы, с поистине инквизиторским коварством выложенной неровными камнями.

Вовремя подоспевший братец ловко подпихнул второй скейт под накренившийся чемодан, подтолкнул повозку сзади, и мы прямо с пешеходного перехода въехали в нужную нам улочку.

Вот когда настал момент от души порадоваться тому, что поселили нас на первом этаже, в номере с выходом во внутренний дворик!

Маленький, изрядно захламленный и здорово похожий на колодец, он соответствовал моим представлениям об итальянской террасе лишь отчасти – из-за присутствия в углу апельсинового деревца, которое по утрам прицельно поливала из лейки древняя старушка с третьего этажа. Солнце во дворик заглядывало только в полдень, квадратик неба крест-накрест перечеркивали веревки, увешанные сырым бельем, и в нашей с Зямой двухместной обители постоянно царили сумерки.

Зато теперь нам было где пристроить свой чемодан! В нашем тесном номере мы не нашли бы для него места, а в захламленном дворике – запросто. Там же, кстати, и ветоши было полно, которой наш секретный груз можно было бы прикрыть.

– Ви а зе чемпионз! Ви а зе чемпионз! – радостно напевал Зяма, явно чувствовавший себя победителем.

Я оставила чемпиона парковать чемодан под нашим окошком и поспешила в душевую – смывать трудовой пот и пыль веков.

А когда вернулась, освеженная и подобревшая, в благословенный дворик, то увидела, что победоносный Зяма уже не поет веселых песен и не исполняет ритуальных плясок вокруг нашей добычи.

Братец тихо сидел на порожке, и выражение лица у него было точь-в-точь такое, как в детстве, когда он благополучно стащил из бабушкиной кладовки трехлитровую банку с медом, сунул в банку руку, а руку – в рот, и только тогда обнаружил, что это столярный клей.

– Что-то не так?

Я встревожилась, подумав, что при транспортировке мы повредили ванну.

– Груз в порядке?

– Груз, – без выражения повторил Зяма и вздрогнул.

Тогда я сама заглянула в чемодан, охнула и обессиленно опустилась рядом с братом.

В ванне, свернувшись в позе зародыша, лежал труп.

«Н-но, мертвая!» – я вспомнила, как Зяма погонял чемодан, и тоже содрогнулась.

Вот что за жуткий талант у моего братца?! Что он ни ляпнет – все оборачивается пророчеством!

Должно быть, это наследственное. По женской линии, от мамы, прославленной сочинительницы ужасиков.

– Моя родная мама, – точно прочитав мои мысли, пробормотал наш пророк и совсем повесил голову.

– Да уж, мама, пожалуй, в этой ситуации не растерялась бы. Она не стала бы прятать голову, как страус! – сказала я и расправила плечи. – Давай, Зяма! Не посраим фамилию! Вытащим наши головы из песка и посторонний труп из нашего чемодана!

– Зачем?

– Затем, что жарко! Он тут испортится!

Зяма опасливо потянул носом воздух:

– Кажется, он уже...

– Это не он, это твоя художественная роспись по чемодану так воняет, – сказала я с уверенностью, которой на самом деле не испытывала. – По-моему, труп еще свежий.

– Да, верно, кому же это знать, как не тебе!

– В смысле? – Я напряглась и сочла нужным напомнить: – Это не я его убила!

– В смысле – ты же у нас близкая подруга полицейского эксперта-криминалиста! – уверовав в мою компетентность, Зяма малость приободрился. – Ладно, сестра моя, командуй! Что делать?

Я мысленно надела генеральский мундир, застегнула его на все золоченые пуговицы, нахлобучила каракулевую папаху с гербом и папиным голосом скомандовала:

– Рядовой Кузнецов, шагом марш в номер и немедленно приступайте к опустошению холодильника!

– Босс, мы его потеряли, – помолив о помощи святого покровителя дипломатов – архангела Гавриила, осторожно признался Анджело новому шефу.

– Кого? – деловито уточнил Сальваторе.

В его отряде потерю бойца не только замечали, но и по возможности быстро замещали.

– Карло.

Анджело крепко помнил, что ему не велели трепаться, и был немногословен.

– Карло? – Сальваторе засопел. – Мальчик, у тебя склероз? Об этом ты мне уже докладывал.

– Да, но ваши люди потеряли его снова.

Анджело нарочно акцентировал словосочетание – «ваши люди». В том, что идиоты нового босса не уследили за чемоданом с телом старого, своей личной вины он не видел.

В трубке воцарилась тишина, только на линии что-то шелестело и поскрипывало – то ли помехи, то ли мозги Сальваторе. Он по опыту знал, что его люди способны на многое, но даже они до сих пор никого не делали покойником дважды.

– Как это – снова? – сам Сальваторе соответствующий механизм утраты явно не придумал.

Анджело вкратце пересказал ему утренние события.

– Идиоты! – сказал Сальваторе и добавил еще кое-что из непереводаемого итальянского фольклора. – Тело найти. Свидетелей убрать. Я пришлю еще людей. Все понятно?

– Да, босс, – ответил Анджело.

Ему действительно все было ясно. Либо он очень быстро вернет тело Карло – либо сам вскоре станет трупом.

– Эй, болваны! – злобно окликнул он бестолковых помощничков. – Обойдите все отели в районе вокзала. Спрашивайте у персонала, ищите пару, которую видели люди, и большой черный чемодан.

– А кого мы видели? – шепотом спросил у Первого Болвана Болван Второй.

Это был интересный вопрос!

Пара, красиво и нагло угнавшая матерчатый гроб на колесиках, состояла из девушки и непонятно кого.

Девушка была высокая, стройная, светловолосая.

Непонятно кто – тоже.

Физиономией и фигурой Непонятно Кто сильно смахивал на киношного красавца Брэда Питта, увеличенного против голливудского эталона раза в полтора.

Однако бабские тряпки с кружавчиками, бритые ноги, браслеты на запястьях, мелированная шевелюра и зафиксированный двумя свидетелями факт посещения Непонятно Кем дамской уборной заставляли думать, что данная мужеподобная особа таки тоже женского пола.

– Ищем девку и... и еще девку! – напряженно пошептавшись, постановили болваны.

Вика всегда знала, в чем ее беда: она слишком влюбчивая!

С первого взгляда, жеста, слова... Вике бывало достаточно суедей малости, чтобы оступить и буквально обрушиться в любовь. А потом она захлебывалась, выныривала, долго гребла к берегу и сидела на нем в неприглядном виде мокрой курицы – до тех пор, пока ее не окрыляло новое чувство.

Постоянное чередование взлетов и падений держало в форме тело, но травмировало душу. «Допрыгаешься ты, Викуля!» – опасливо пророчила ее лучшая подруга Настя.

С годами привычка безоглядно падать в любовь сделалась менее травмоопасной, потому что Вика взяла пример с батутистов. Теперь она взлетала даже выше, чем прежде, но приземлялась на мягкое, упругое и без промедления подскакивала вновь, совершая в воздухе все более сложные пируэты.

В роли страховочной сетки выступал законный брак.

Муж Вика любил, и она никогда не чувствовала себя брошенной. Тем не менее даже при таком раскладе имелся серьезный риск допрыгаться до свернутой шеи, так как похвально любящий супруг был огорчительно ревнив. Из-за этого Вика вынуждена была совершать свои кульбиты в обстановке повышенной секретности.

Туристическую поездку в Италию она предвкушала с замиранием сердца. Вика предвидела новые достижения на поприще прыжков в высоту нежных чувств и постаралась прибыть в город Рим в прекрасной спортивной форме. Подруга Настя, только что благополучно пережившая третий в своей жизни развод, тоже была во всеоружии.

К сожалению, хваленые итальянские мужчины не оправдали их ожиданий.

В свой первый день в столице Италии Вика и Настя не встретили ни одного знойного красавца с горящими безрассудной страстью глазами. Конечно, крикливых и назойливых парней отчетливо южных кровей в Риме было немало, но происходили они из Африки и прекрасными русскими девушками интересовались исключительно как целевой аудиторией для рекламы и продажи им сумок, шляп, платков и безделушек.

Итальянцев как таковых на улицах и площадях Вечного города было до странности мало. Вычленив их в толпе разноязыко галдевших туристов оказалось нелегко, а заинтересовать собой – и вовсе невозможно. Младые римляне не фланировали по бульварам, они целенаправленно перемещались из пункта А в пункт Б по своим повседневно-деловым надобностям, отнюдь не включающим скоропалительную любовную связь со скучающими иностранками.

Легенда о диком и необузданном итальянском темпераменте на поверку обернулась сущим враньем. Самым общительным итальянским мужчиной, встретившимся Вике и Насте, оказался пузатый дядька в длинном фартуке с логотипом пиццерии!

Разочаровавшись в римлянах, Вика преисполнилась патриотизма, который окреп дополнительно, когда за завтраком в отеле она увидела совсем рядом, за соседним столиком, совершенно очаровательного молодого человека восхитительной славянской наружности.

Этот роскошный русский мужчина был отягощен такой же красивой и рослой, как он сам, подругой, но – отнюдь не высокими моральными принципами.

Взгляд, который жадная Вика бросила ему, как перчатка, был принят и понят. Голубые глаза красавца сузились, вспыхнули, и слепящие лучи сошлись в ложбинке Викиного декольте в светящуюся точку лазерного прицела. Вике стало щекотно и весело.

– У-у-у, какой! – завистливо протянула припозднившаяся к завтраку подружка Настя.

– Чур, он мой! – быстро сказала Вика, выгибаясь, чтобы подставить под обстрел и другие участки своего холеного тела.

– Он же с подругой, – заметила Настя.

Однако эту подругу красавец Казимир представил девушкам как свою сестру Индию.

– Красивое имя, редкое, – признала Вика, умолчав о том, что и носительница одного имени на диво хороша.

Ей не хотелось думать, что Казимир и Индия – любовники, которые просто хитрят и всех обманывают, называясь кровными родственниками из соображений конспирации.

Новый знакомый Виктории очень понравился. Мысли о том, как интересно и приятно можно было бы развить это новое знакомство, щекотали Вику, как откровенный мужской взгляд. За завтраком она проносила ложку мимо рта, хихикала и улыбалась.

Мудрая Настя совершенно правильно оценила это хмельное веселье и попыталась легкомысленную Вику как-то отрезвить.

– У них стандартный двухместный номер, – доложила она, пошептавшись с администратором. – Не «Твин», как у нас с тобой. Понимаешь? Не две односпальные кровати, а одна большая!

– Не факт, – отмахнулась Виктория. – Это могут быть две кровати, сдвинутые вместе. Обычный вариант для практичной Европы. Кому надо – раздвигают кровати и спят порознь.

Но червячок сомнений все-таки заполз в ее декольте и беспокойно шевелился там на протяжении всей утренней прогулки.

Вернувшись в отель к обеду, Вика решила прояснить ситуацию.

Пока ее подруга предавалась послеобеденному отдыху, она прохаживалась по коридору, подстерегая возможность заглянуть в упомянутый двухместный стандарт. Теоретически это можно было сделать в момент уборки помещения горничной, однако сия персона блистала своим отсутствием. Вика еще не знала, что влажная уборка и замена полотенец в номерах производятся через день.

В какой-то момент Виктория, сновавшая по коридору в челночном режиме, услышала за интересовавшей ее дверью голоса и поняла, что Зяма и его предполагаемая сестра тоже вернулись со своей утренней прогулки.

Оглядевшись по сторонам и никого вокруг не увидев, Вика прильнула ухом к двери и услышала нечто шокирующее.

– Не помещается! – с отчаянием сказал Зяма.

– Поместится! – с деловой решимостью ответила Индия. – Он же маленький. Поместится!

– Вовсе не такой уж он маленький! – вроде как обиженно возразил ей Зяма.

Затем послышались звуки непонятной возни, сдвоенное сосредоточенное сопение и несколько тихих прочувствованных слов, имеющих самое непосредственное отношение к теме мужской анатомии и межполовых контактов.

Нецензурно, но элегантно ругался великолепный Зяма. «Сестрица» наставляла и подбадривала его, озабоченно приговаривая: «Ногу, ногу подверни... А руку сюда... Так, так... Хорошо! Пригни голову... Эх, блин, он все равно не влезет!»

Виктория упала духом.

Было очевидно, что эти двое занимаются в своем номере чем-то таким, чему место в расширенном и дополненном издании Камасутры.

Впрочем, получалось это у них, видимо, неважно, что дарило некоторую надежду: может, Зяме просто нужно сменить партнершу?

Если что, она, Вика, готова попробовать!

– А если голым? – сказала вдруг отвратительно настойчивая распутница Индия. – Может, голый он поместится?

– Как-то это негигиенично, – засомневался Зяма, и Вика была с ним совершенно согласна.

Она тоже всегда ратовала за безопасный секс.

– Негигиенично, – согласилась Индия. – Зато дешево, надежно и практично! Снимай все! Я уверена, что голым он влезет!

Вика скрипнула зубами от ревности, но невольно зауважала развратную Индию за упорство.

В номере снова зашуршали, завозились, зашептали: «Ногу, ногу... И руку, руку... Вот, во-от, пошел, пошел! Хорошо-о-о!»

Вика, понурившись, побрела к себе в номер.

Лично ей хорошо не было. В декольте больно кололись и жалобно бренчали осколки разбитого сердца.

– Что это с тобой? – встревоженно спросила ее пробудившаяся подруга. – Живот болит? А я говорила, нельзя пить сырую воду!

– К черту воду! – горестно всхлипнула Вика и повалилась в подушки, обильно орошая их слезами.

– Да брось! Мало ли, что ты слышала, ты же не видела, что они при этом делали! – попыталась утешить ее верная подруга, выслушав сумбурный Викин рассказ, густо замешанный на рыданиях. – Может, они бутылку вина открывали! Штопором, а? А он в пробку не лез!

– А руки и ноги? – плаксиво напомнила Вика.

– А ты пробовала открыть бутылку штопором без рук? – парировала Настя.

Довод был смехотворный, но Вика все же немного утешилась. Она еще немного похлопала носом и задремала.

Дождавшись, когда влюбленная страдалница затихнет, ее добрая подруга тихонько сползла с кровати и бесшумно, в мягких тапочках, выдвинулась в коридор.

В руке у нее была пластиковая ключ-карта, способная, как предполагала сметливая Настя, открыть любой номер: для этого ее достаточно было подсунуть под язычок английского замка.

За дверью номера, где поселились то ли родственники, то ли любовники, вновь было тихо. Настя постучалась, но ответа не получила. Очевидно, голубки уже упорхнули.

С третьей попытки отжав язычок замка своей карточкой, Настасья вошла в чужой номер. Кроватей в помещении было две. Две! И обе – в беспорядке.

– Значит, они спят порознь, – порадовавшись этому открытию, самой себе сказала Настя. – Хотя это, конечно, еще ничего не значит. Особенно, если они сливаются в экстазе днем.

Она огляделась и отметила косвенные признаки внезапно состоявшегося дневного экстаза.

Признаки имели неприглядный вид хаотично разбросанных по помещению предметов быта и мужского туалета.

В изножье кровати, наводя на мысли о крайне затейливых и нездоровых «играх», громоздились металлические решетки. Тут же кривым рядом стояли непочатые бутылки. На тумбочке разместились колбаска, клиновидный кусок сала, одинокая сухая таранька и баночка с хреном – серьезная заявка на русскую версию фильма «Девять с половиной недель». Натюр-

морт интересно дополнял шикарный мужской галстук от Brioni (минимум триста баксов), обесиленно повисший на ручке выдвижного ящичка.

На торшере покачивался одинокий носок чопорного темно-серого цвета и безупречного качества. Второй носок дразнящимся языком выглядывал из-под кровати. В углу, как наказанные, лежали белые трусы-«боксеры» с логотипом дорогой бельевой марки на широкой резинке. В хрустальной пепельнице на холодильнике скромной кучкой благородно золотились аксессуары: дорогие часы, перстень с хитрым вензелем из мелких камешков и сверкающие запонки.

– А у Вички хороший вкус, – не без зависти отметила Настя. – Парнишка-то не голодранец какой-нибудь, хоть и красив, как жиголо!

Совершенно машинально – просто в горле пересохло – она потянула на себя дверцу небольшого холодильника и в первый момент даже не поняла, чем именно до отказа заполнена его единственная камера.

А уже во второй момент внезапно прозревшая Настя почувствовала, что ее сердце падает в тапки, и тут же вся целиком, вместе с провалившимся сердцем, рухнула на несвежий гостиничный палас – в глубоком обмороке.

Чернокожий уличный торговец сумками при виде нас с Зямой просветлел, как Майкл Джексон после серии эффективных отбеливающих процедур, и приосанился, явно гордясь самим фактом появления у него постоянных покупателей.

Коротко кивнув ему, мы с братом двинулись вдоль строя чемоданов, приглядываясь к образцам.

Чемоданчик нам нужен был небольшой, но глубокий, размером с гостиничный холодильник, на колесиках и с плотными стенками.

– И непременно с замочками, – сварливо добавил Зяма.

Тему запорных механизмов мы с ним наскоро обсудили еще в отеле, когда извлекали из большого расписного чемодана незнакомый труп.

Зяма очень сокрушался, что накануне вечером в сквере не запер чемодан на амбарный замок, который исключил бы проникновение в наш багаж постороннего мертвеца!

Хотя мы, конечно, понимали, что он не сам туда проник.

Мы хоть и дети нашей мамы, а в самоходных зомби не верим!

Ясное дело, карликового жмурика нам кто-то подбросил. Понять бы еще – кто и зачем?!

Впрочем, вопросы «Кто?» и «Зачем?» сейчас были гораздо менее важны, чем вековое русское «Что делать?». В смысле, что нам делать с этим телом?

Порыв сообщить о нашей находке правоохранительным органам мы в четыре руки задушили на корню. Как правило (исключение до недавнего времени составлял майор Кулебякин), я держусь подальше от нашей полиции, но и от не нашей тоже не стала бы ждать справедливости и беспристрастности. А у итальянцев вообще один-единственный порядочный полицейский и был – комиссар Катани из сериала «Спрут», и того убили в последней серии!

– Сдадим труп – потеряем ванну! – лаконично сформулировал все эти резоны Зяма.

– Это в лучшем случае, – против обыкновения согласилась с ним я. – В худшем – ответим и за кражу ванны, и за убийство, которого не совершали.

В общем, от трупа надо было избавиться по-тихому. И сделать это следовало быстро – до завтрашнего дня, когда в наш номер снова наведается фанатичная чистюля-горничная с уборкой. В прошлый раз она даже недоеденный колбасный хвостик из холодильника выкинула! Что уж говорить о трупе вчерашней свежести...

При этом остатки совести не позволяли нам с Зямой использовать проверенные рецепты из ужасиков и триллеров, например, без особых затей под покровом ночи закопать тело на заднем дворе или сбросить его в реку в мешке, набитом кирпичами.

Ведь у покойника, кем бы он ни был, наверняка есть родные и близкие. Они будут его искать и захотят похоронить. Что ж мы, не люди – лишать их возможности проститься с дорогим усопшим?!

Нашу с Зямой роль в этой истории я сформулировала так:

– Надо, чтобы труп нашли, а нас – нет.

– То есть в тот момент, когда его найдут, мы должны быть далеко от того места, где его обнаружат, – смекнул братец. – Может, поменяем билеты и срочно улетим домой?

– Ты что? Я этого отпуска целый год ждала, а теперь откажусь от целых четырех дней?!

– Тогда пусть он улетает!

– Кто?

– Труп!

Я с беспокойством посмотрела на братца.

Летающие трупы – это круто! Гораздо круче, чем банальные пешеходные зомби, широко распространившиеся по страницам ужастиков. Надо мамуле идейку подбросить.

А Зяме – холодный компресс на высокое чело возложить, никак, перегрелся братишка...

– В смысле, пусть он уезжает! Посадим его в поезд дальнего следования! – Зяма энергично принялся развивать тему: – Очень дальнего следования. Самого дальнего! Чтобы его нашли уже на конечном пункте, где-нибудь в Гренландии.

– Гренландия – это остров, туда поездом никак не добраться, – напомнила я.

– Я не настаиваю на Гренландии, пусть будет Польша, например, какая разница, – разрешил Зяма.

Думаю, поляки с этим утверждением поспорили бы. Я не заметила, как включилась в дискуссию.

– Никак не Польша, за пределы шенгенской зоны труп не уедет, его пограничники остановят... Ой, нет, он вообще никуда не уедет! Кондуктор придет проверять билеты вскоре после отправления поезда, – вспомнила я. – Тут-то его и найдут!

– Не найдут, если не увидят.

Я озадаченно моргнула:

– Он что, поедет зайцем и будет прятаться от кондуктора? Как ты это себе представляешь?

– Очень просто: он поедет в багаже!

Мы наскоро обсудили этот план.

Берем билет на поезд – благо для этого не нужно предъявлять документы, да и покупку можно сделать в автомате, а машина – не человек, она нас не запомнит.

Садимся в поезд, следующий куда подальше, а именно – на северо-восток Италии, вверх по голенищу Апеннинского сапога.

Ставим чемодан с «грузом-200» на специальную полку для багажа, непринужденно пятимся в сторонку, проходим несколько вагонов насквозь, выскакиваем на перрон и машем платочками вслед удаляющемуся составу, притворяясь провожающими. Хотя мы и будем провожающими – в последний путь.

И мы снова пошли покупать чемодан.

– Может, этот возьмем?

Братец остановился у чемодана с лейблом, отличавшимся от всем известного фирменного всего одной буквой: Babbana.

– Можно и этот. «Баббана» так «Баббана», мне все по барабану, – уныло срифмовала я.

Покойника нам «подарили» хоть и небольшого, но пафосного: товарищ был в модном костюме, в ручной работы штиблетах и с дорогими аксессуарами. Однако его привычка к дорогим вещам вряд ли обязательно должна распространяться и на жизнь после смерти. Обойдется «Баббаной», не «Кадиллак» же ему для перевозки покупать!

– Или нет! – с неожиданным энтузиазмом вскричал вдруг Зяма. – Возьмем лучше это!
Он козликом перепрыгнул через шеренгу чемоданов и выдернул из строя во втором ряду большую стеганую сумку-холодильник.

– Ты посмотри, он с термослоем внутри! – заговорщически подмигнув мне, тоже срифмовал братишка.

Я поняла ход его мыслей и признала, что идея так же хороша, как и рифма. В термосумке наш основательно охлажденный покойник выдержит многочасовое путешествие даже в жару.

– Берем!

Презрев претенциозную «Баббану», мы купили скромную безымянную термосумку и вернулись в отель.

Администратор на ресепшен отеля посмотрел на нас с возросшим интересом.

Еще бы!

Только вчера мы прикатали в гостиницу большой черный чемодан, нынче утром пригнали такой же большой расписной, а теперь, спустя всего час, притащили еще и сумку!

– Очевидно, мы производим впечатление выдающихся шопоголиков, – шепнула я Зяме.

– Ничего, это вполне укладывается в русло легенды о диких русских, воспринимающих Италию как Мекку модных распродаж, – успокоил меня брат.

Мы шустро проскакали по коридору к своему номеру и замерли на пороге, увидев, что дверь в него приоткрыта.

Зяма побледнел и прижал к себе термосумку так крепко, что она озадаченно крикнула.

Перед моим внутренним взором промелькнули голые пятки разутого и раздетого нами жмурика, улепетывающего из застенок холодильной камеры на вольную волю.

Я потрясла головой, толкнула дверь, шагнула в номер – и сразу же поняла, что мимолетная мечта о том, чтобы приبلудный труп сам собою куда-то делся, разумеется, не сбылась.

Наоборот!

На коврик у открытого холодильника лежало еще одно тело! На сей раз – женское.

– Чемоданов не напасешься! – брякнула я в сердцах.

Зяма посмотрел на тело поверх моего плеча, втолкнул меня в номер, прикрыл за нами дверь и только после этого сказал:

– По-моему, она живая.

Он присел на корточки рядом с то ли живой, то ли мертвой красавицей и проверил ее пульс.

Я не стала напоминать, что обычно для этой цели шупают руку, а не ногу. Пусть хоть за уши ее треплет, лишь бы не сказал потом, что у нас на балансе появился второй труп!

– Живая и знакомая, – резюмировал братец в итоге довольно-таки вдумчивого ощупывания. – Мы нынче утром вместе с ней завтракали, помнишь?

– Хочешь сказать, она не наелась за общим столом и пришла «догоняться» к нашему холодильнику? – усомнилась я.

Зяма с нескрываемым отвращением посмотрел на нештатное содержимое нашего холодильника, плотно закрыл его дверцу и неопределенно заметил:

– Ну, голод бывает разный...

– Какая же ты все-таки скотина, братец козленочек! – я разозлилась, сообразив, что к чему. – Нашел время пробуждать в красотках сексуальный аппетит!

Мне стало совершенно ясно, что малознакомая девица пробралась к нам в опочивальню в надежде поближе познакомиться с Зямкой.

Черт его знает, что за флюиды он выделяет, но женщины всех возрастов, мастей и волостей сбегаются к нему, как тараканы к ядовитой приманке! Не мужик, а орхидея-мухоловка какая-то!

– Я не нарочно, – виновато прожурчал-прошептал неиссякаемый источник сладкого яда.

Он потянулся похлопать красавицу по бледной щечке, но я его остановила:

– Постой!

Мне казалось, что с незваными гостями надо разбираться в порядке мертво-живой очереди. То есть сначала удалить со сцены усопшего джентльмена, а уже потом оказывать помощь еще не покинувшей сей мир прекрасной леди.

К сожалению, подобраться к холодильнику в обход лежавшей рядом с ним девицы было невозможно. Я прикинула, что можно попробовать оттащить ее в сторонку вместе с ковриком, но даже не успела поделиться этим планом с Зямой.

Дверь, которую он закрыл, но не запер, с тихим зловещим скрипом отворилась, и на пороге возникла подруга обморочной девицы – тоже красотка, только не бледная и кроткая, а красная и сердитая.

– Настя?! – с болью в голосе вскричала она, увидев лежавшую на полу подружку, а рядом с ней – орхидею Зяму с хищно вытянутыми лепестками, то есть руками.

Сцена была двусмысленная, и девушка истолковала ее в меру собственной испорченности:

– Какая же ты мне после этого подруга, Настя?! Как ты могла?!

– Ты бы тоже так смогла, если бы заглянула в наш холодильник, – заверила я незваную гостью, быстро оценив ситуацию и приняв решение. – Входи и закрой за собой дверь. Быстро! Сядь на кровать и одну минутку помолчи, ладно?

– Здравствуйте, Вика! Я очень рад нашей новой встрече, – ласково промурлыкал с пола галантный Зяма, которого я помолчать не попросила – а напрасно.

– Мы все очень рады, – буркнула я. – Мы так рады, что помереть можно! И некоторые из нас это уже сделали.

– Что уже сделали некоторые? – с подозрением спросила Вика, хмуро глядя на подругу, возлежавшую на полу в непринужденной позе караульного, сморенного на месте сонным газом.

Чувствовалось, что легла она в один миг, не успев запахнуть и одернуть короткий халатик.

– Померли, – честно ответила я, имея в виду безымянного зомби в холодильнике.

– Померли? – Вика перевела вопросительный взгляд на Зяму. – А что вы с ней сделали?

Зямкины очи полыхнули, как лампочки новогодней гирлянды, губы изогнулись в коварной улыбке.

– А ну, прекратите это немедленно! – прикрикнула я на них обоих. – Нашли время флиртовать! Зяма, потряси Настю, пусть она тоже вернется в реальность! Усади ее рядом с Викой, чтобы они поддерживали друг друга... физически и морально.

– Где я? – вяло поерзав на коврике, томно спросила напольная дева.

– В триллере! – веско сказала я. И, обеспечив своей персоне всеобщее внимание аудитории одной лишь этой репликой, с напором продолжила: – Господа и дамы, по собственной вине или без таковой, но все мы с вами вляпались в историю, и теперь только от нас зависит, будет ли у нее хороший конец.

Девы, не сговариваясь, с надеждой посмотрели на Зяму.

Он плотоядно ухмыльнулся.

– Хороший конец – это хеппи-энд, а не то, о чем вы сейчас подумали! – разгневалась я. – Сосредоточьтесь, пожалуйста! Отбросьте сексуальные мысли, у нас тут голый незнакомец в холодильнике!

– Вау! – сказала Вика.

– Не, не вау, – возразила Настя.

– Ничуть не вау, – подтвердила я. – Он совсем не эротичный.

– Маленький, – с пренебрежением молвил Зяма. – Весь!

– Вау! – снова сказала Вика и хищно посмотрела на Зяму.

– Ребята! – проникновенно воззвала к ним я, подавив горячее желание кого-нибудь стукнуть. – Вы что, не понимаете драматизма ситуации?! Так я вам объясню. У нас в холодильнике неопознанный труп без штанов, под окном – антикварная мраморная ванна весом в полтонны, а на хвосте – пара шпионов, и со всем этим надо что-то делать!

– Что мы будем делать? – дуэтом спросили Настя и Вика персонально Зяму.

Голоса их были исполнены кроткой покорности и сладострастной надежды.

– Да пошли вы все! – окончательно потеряв терпение, с большим чувством объявила я и выскочила из номера, громко хлопнув дверью.

Мне необходимо было куда-то выплеснуть излишек эмоций, но сделать это следовало подальше от братца, чтобы не получить еще один труп, на сей раз не просто знакомый, но даже и родной.

Нервно подергивая всеми членами, я пробежалась по улице туда-сюда.

Впервые я пожалела о том, что нахожусь в самом центре города, богатого бесценными культурно-историческими памятниками. Будь я в глухом лесу, «ударила» бы сокрушительным воплем по дубам и елям, а тут так вести себя нельзя: в Италии и без моих внезапных акустических ударов старинные башни опасно кренятся!

Но мне просто необходим антистресс. Ладно, пусть не прокричатся – хотя бы выговориться!

И я позвонила своей лучшей подруге.

– Алка, привет!

– Привет, Инка, что стряслось?

Умудренная долгим опытом знакомства со мной, Трошкина моментально почуяла неладное.

– У меня две новости, одна хорошая, другая плохая! – дипломатично сообщила я. – С какой начать?

– Секунду, я приготовлюсь! – в трубке зашебуршало.

Очевидно, мудрая Алка наскоро отрыла персональное бомбоубежище и укрылась в нем.

– Теперь говори!

– Хорошая новость: я купила тебе брошь венецианского стекла! Она очень красивая: круглая, коричнево-зеленая, с золотыми прожилками, и идеально подойдет к твоей сумочке из крокодила! Плохая новость: мы с Зямой нашли труп!

– Вы с Зямой нашли труп?

Мне показалось, что Трошкина как-то не прониклась драматизмом ситуации, и я нажала:

– «Мы нашли труп» – это еще слабо сказано!

– А как бы ты сказала сильнее? – подружка заинтересовалась.

– Мы нашли мертвым труп убитого насмерть покойника без признаков жизни!

– Ого! А чей он?

– Отличный вопрос! – похвалила я. – Теперь – наш! Не знаем, что с ним делать.

– Ну-у-у, что можно сделать с трупом?

Трошкина добросовестно задумалась.

Я с интересом ждала продолжения.

– А он какой? – спросила она через минуту.

– Холодный.

– Это понятно, а... мужской или женский?

– Ты не поверишь, Трошкина! Он карликовый! Самый настоящий лилипут мужского пола! С бровями, как у Брежнева!

– Только один?

Я возмутилась:

– Нам мало не показалось!

– Просто обычно маленькие люди – а это, чтобы ты знала, политкорректное название карликов, – держатся кучно, – просветила меня Алка. – В цирковых труппах, например, в фильме про Белоснежку, в стране Лилипутии...

– Ты еще Хоббитанию вспомни! – фыркнула я. – Нет! Слава богу, этот был один!

– А где вы его нашли?

– Еще один отличный вопрос! – одобрила я ее. – Знаешь, что бы там ни говорили об итальянской мафии, а трупы тут на дороге не валяются! Этого мы обнаружили в ванне.

– О! В ванне? В какой ванне?

Трошкина всегда была похвально обстоятельной и дотошной.

– В старинной, мраморной, сидячей, – охотно ответила я, радуясь возможности как следует выговориться.

– Он сел в нее, уснул и утонул? – предположила Алка.

Она опрометчиво решила, что располагает достаточным количеством фактов, чтобы начинать строить версии.

– Нет, в этой ванне никакой воды не было, мы едва успели выгребсти из нее землю.

Трошкина замолчала.

– Ванна была в чемодане, – добавила я. Подождала немного и встревоженно спросила: – Эй! Алка, ты меня слышишь?

– Слышу, – донесся слабый голос.

– А чего молчишь?

– Думаю.

– А чего думаешь?

– Думаю, что ты с ума сошла, Кузнецова! – гаркнула подруженька. – Какая ванна с землей, какой труп с бровями, ты чего мелешь?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.